14. *Недорезов В. Г.* Проблема проективности социального действия // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 7. С. 69–73.

15. *Фогт А.* Социальные утопии / пер. с нем. Н. Стороженко. Изд. 2-е, стереотип. М., 2007.

16. *Фролова И. В.* Утопия: сущность и развитие: Опыт социально-философской концептуализации : автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2005.

17. *Хабермас Ю.* Политические работы / сост. А. В. Денежкин ; пер. с нем. Б. М. Скуратова ; ред. Т. А. Дмитриев. М., 2003.

18. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.

19. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / пер. с нем. В. В. Бибихина. М., 2013.

20. *Шахназаров Г. Х.* Куда идет человечество. М., 1985.

21. *Эпштейн М.* Эпоха универсализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_epoch_universalism.html (дата обращения: 20.01.2017).

22. *Dempsey Br.* [R]econstruction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth / пер. А. Буланова [Electronic resource]. URL: http://metamodernizm.ru/reconstruction/ (accessed: 20.01.2017).

23. *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. P., 1981. P. 240.

24. *Nik Farrell Fox.* The new Sartre: Explorations in Postmodernism. N. Y. ; L., 2003. P. 208.

Рукопись поступила в редакцию 1 марта 2017 г.

УДК 316.334.4 + 316.754

В. А. Глазырин

КАКИЕ ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Институты права составляют неотъемлемую сторону институционального фундамента любого современного общества. В статье образование правового порядка раскрывается на базе институционального анализа явлений и изменений общественной жизни. Подчеркивается, что становление социального порядка права является противоречивым процессом взаимодействия институтов права с другими социальными институтами. Цель статьи состоит в том, чтобы в аналитическом плане рассмотреть значение институтов права в институциональной системе общества в становлении социального порядка права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: институт, право, правовой порядок, социальный институт, противоречие.

Институты права составляют неотъемлемую сторону институционального фундамента любого современного общества. Правовой порядок можно исследовать на междисциплинарной основе и в познавательных границах отдельных научных дисциплин, в том числе социологией права.

В правовой социологии изучение правопорядка фокусируется на познании взаимодействия социокультурных и социоправовых компонентов социума [5]. Социолог, объясняя особенности правовой институционализации общественных отношений, видит ее сложным социальным процессом, включающим различные

© Глазырин В. А., 2017

противоречия, в частности, между правом и законом, правом де-юре и правом де-факто, традиционализмом и модерном, конфликтностью и комплементарностью социальных и юридико-правовых институций, их легальностью и легитимностью.

Тот факт, что всякий социальный порядок, включая правовой, является результатом сложного переплетения исторического пути развития государств, политической, экономической, культурной жизнедеятельности социальных акторов, заставляет подойти к объяснению установления правопорядка в обществе как познавательной *проблемы* с определенной исследовательской позиции. В настоящей работе образование правового порядка раскрывается на базе *институционального анализа* явлений и процессов общественной жизни, опирающегося на получившее широкое признание в научном сообществе положение Д. Норта о том, что «институты имеют значение», и его понимание институтов. Они представляют ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми, включают неформальные ограничения и формальные правила, и механизмы, обеспечивающие их исполнение [9, 10]. Цель статьи состоит в том, чтобы в аналитическом плане рассмотреть значение институтов права в институциональной системе общества в становлении социального порядка права.

Для того чтобы точнее осознать суть разбираемой проблемы, обратимся к гоббсовскому описанию состояния войны всех против всех, представленному английским философом в его всемирно известном трактате «Левиафан». Отнюдь не каждому познакомившемуся с этим трудом Т. Гоббса удается корректно уяснить истоки такой войны. Обыкновенно ее происхождение связывают с природой человека как существа эгоистичного, стремящегося к власти и доминированию над другими людьми. Однако Т. Гоббс, указывая на различные страсти, присущие людям, и их себялюбие, причины войны всех против всех все-таки объяснял иначе. Потому что, как утверждал английский мыслитель, «люди равны от природы», в естественном состоянии «каждый человек имеет право на все» [6, *186*]. Очевидно, что в этих условиях всеобщая война между людьми неизбежна, она порождена отсутствием в их отношениях ограничительных институциональных рамок, регулирующих их права, поэтому для прекращения войны всех против всех нужен общественный договор, которым было бы отвергнуто «право на все».

Различие между jus и lex означает, что не всякое государство и юридические установления являются правовыми. В условиях современности и постсовременности гоббсовский вариант преодоления состояния войны всех против всех, основанный на учреждении «общей власти, держащей всех в страхе» [Там же, *181*], несовместим с социальным порядком, конституирующим себя на основе ценностей и институтов права[1]. Может показаться, что все предельно ясно: правопорядок определяется институтами права, но так как правовые институты являются частью институциональной системы социума, действительность правоустановлений может разойтись с ожиданиями. Какие институты нужны для правового порядка?

[1] В работе используется определение права, сформулированное одним из крупнейших российских юристов В. С. Нерсесянцем: «Право — это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях» (*Нерсесянц В. С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 28).

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим различные социальные институциональные установления под углом зрения их потенциальных возможностей для утверждения порядка права в обществе современности. Среди них выделим: а) «силу» как институциональный способ обеспечения социального порядка, б) мораль, в) традиционализм, г) идеологию, д) «теорему Карамзина», е) юридический закон.

Гомеровское описание пещеры Полифема — это образ мира, основанного на силе и чуждого праву. Тем не менее применение силы является одной из опор правового порядка [7, *28–49*; 9]. Это прекрасно видно, например, тогда, когда суд выносит решение об аресте подозреваемого, пристав описывает имущество должника, полицейский задерживает правонарушителя, используя специальные средства. Более того, неотъемлемый в юриспруденции институт санкций есть не что иное, как одна из форм существования силы в системе права.

История государств Запада показывает, что возможно осуществить институциональное переустройство социального порядка «права силы» в порядок «силы права» [1, 2]. Для этого в качестве обязательных условий нужно, чтобы была преодолена проблема failed state и установлена монополия государства на насилие [13, 14], что, в свою очередь, связано с опасностью, что мощь государственной машины может быть обращена против граждан, их прав и свобод. В угрозе применения государством силы в качестве стержневого института, организующего жизнь общества, состоит начальный вызов установлению правового порядка. Ответ на притязания «права силы» порядку права предполагает глубокое институциональное переустройство отношений публичной сферы общества. Когда требуется решить сложную задачу по обузданию произвольного применения силы государством, тогда значение институтов права проявляется решающим образом: они позволяют выстроить институциональную систему, запрещающую изъятие государством прав и свобод граждан.

Тот факт, что существование законодательства о моральных правилах не имеет смысла, не является достаточным обоснованием утверждения, что мораль не имеет какого-либо значения для утверждения в обществе правового порядка.

Представление о связи морали и права в обществе современности не следует упрощать [11, *135–149*], сводить к неким механистическим схемам, они, представляя разные грани ценностно-нормативного регулирования социальных отношений, имеют точки *сопряжения*, важные для обеспечения правового порядка. Достаточно отметить, что различают «букву» и «дух» закона. В самом деле, диктаторские режимы держатся отнюдь не только на угрозе применения силы и ее использовании, они также опираются на писаный закон, легальные государственные институты, что, однако, не позволяет рассматривать их социальными порядками, основанными на принципах верховенства права. В «духе» закона заключены ценностные начала права, в значительной мере имеющие этическую основу, например, ценности Гуманизма и Справедливости. Пожалуй, лучшей демонстрацией дополнительности и комплементарности ценностно-институциональных основ морали и права в современном обществе являются положения статьи 1 «Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948),

где, в частности, говорится, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью...» [3, *14*].

Правопорядок также поддерживается повседневной нравственностью. Важно, чтобы граждане соблюдали сложившиеся и установленные правила совместной жизни, ценили добропорядочность, сознавали, что иначе никакой социальный порядок будет невозможен, даже если к каждому человеку приставить полицейского. Честность нужна для развития гражданско-правовых отношений, предпринимательства, бизнеса. Доверие востребовано для расширения и упрочения партнерских отношений, барьерами ему выступают «двойная» мораль — «Чужого можно обмануть» и аморальная установка — «Не пойман — не вор». Легитимность политико-правового строя исходит от граждан, что предполагает формирование у них моральных качеств сопричастности к политической жизни общества [11, *127–152*].

Подытоживая рассмотрение вопроса о роли морали в жизни современного общества, подчеркнем, что в становлении порядка права юридико-правовые институты обладают приоритетом перед институциями морали, потому что моральные предписания лишь тогда приобретают публично- и частноправовое значение, когда являются элементами общественного договора о правах [4], инкорпорированы в конституционные уложения.

Традиционализм и порядок права находятся в известном диссонансе друг с другом. Традиционализм — досовременен, правовой социальный порядок — важнейшая характеристика общества модерна/постмодерна.

В традиционализме отход от исторически привычного уклада жизни воспринимается анархией, но в действительности традиционный порядок — это только один из видов социального порядка. Порядок права призван конституировать общество на началах Свободы. Свобода как социальный порядок не является ни архаикой, ни анархией. Свободное общество — это общество права и закона, правовой свободы, «где нет закона, нет и свободы» [8, *277*].

Неприятие традиционалистами обществ модерна, правового конституционализма в связи с тем, что в эпоху современности якобы подрывается культурная и национальная идентичность народов и государств незападного мира, несостоятельно. Так, Япония, Сингапур и Южная Корея освоили западные институты в экономике, политике, праве, однако при этом обладают свойственной этим странам уникальной не европейской культурой. Кто-нибудь сможет утверждать, что в Южной Корее национальная культура деградирует, а ее граждане утеряли национальную идентичность под влиянием Запада в сравнении с не западной Северной Кореей?

Конституционно-правовой общественный строй не предполагает устранения многообразия культурных общностей. Общество, устроенное на основе конституционно-правовых институтов, образует политико-правовое, политико-гражданское объединение людей, члены которого могут принадлежать различным культурным сообществам. Нельзя отрицать возможность трудностей и противоречий имплементации современных правовых институтов в социальное тело обществ с различной культурой, но противоречия и конфликты присущи любому обществу. Традиционалистские общества, избегающие социальных перемен и замыкающиеся

в себе, едва ли смогут в исторической перспективе — близкой или отдаленной — избежать цивилизационного и культурного шока и тупика.

Правовой социальный порядок не может конституироваться в институциональных рамках традиционализма. К. Поппер, рассматривая современное общество, отмечал, что оно является не только открытым, но и абстрактным [12, *174–175*]. Абстрактное общество — это общество безличных/формальных отношений, с правовой системой формального типа, сориентированной на признание прав человека, формального равенства и свободы, на формальные судебные процедуры. Мировой исторический опыт показывает, что разумной альтернативы «формальной» правовой системе для преумножения богатства, обеспечения прав человека и правосудия не существует.

Правовой порядок в своей идейной основе предстает в таких возвышенных понятиях, как Свобода, Равенство, Разум, Гуманизм, Справедливость, Правосудие, их используют в различных концепциях (достаточно указать таких авторов, как Дж. Локк, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, Дж. Бьюкенен) для описания системы ценностей общества современности и объяснения необходимости отторжения несвободы, произвола, бесправия, диктатуры. Когда речь идет о правовом порядке (при несомненной важности его интеллектуальных отображений), первостепенное значение имеет *институциональное воплощение* порядка права. Как право объясняет и изменяет мир? Прежде всего посредством устройства институционального костяка современного общества.

«Теорема Карамзина» является разновидностью дилеммы «институты или люди». Русский историк утверждал, что России не нужны Конституция и новые законы, а требуются 50 честных и толковых губернаторов, и полагал, что все решают люди, а среди них немного тех, кто, придя к власти, не использует ее в своих интересах, какие бы Конституции ни устанавливались и какие бы хорошие законы ни принимались.

Современный институционализм дилемму институтов и индивидов решает в пользу институтов [1, *67–98*]. Правовой порядок — это институциональная конструкция. Для того чтобы понять ошибочность положения Н. М. Карамзина, нужно всего лишь поставить простой вопрос: «Как “честные и толковые губернаторы” будут управлять вверенными им территориями при отсутствии институтов?».

Юридический закон имеет принципиальное значение для становления правового социального порядка. Непреложным является тот факт, что никакие социальные институты не могут быть *альтернативой* юридическим установлениям. Современное общество, являясь сложноструктурированным, в частности, культурно-, этно-, религиозно-дифференцированным образованием, объективно нуждается в универсальных правилах. Ими являются юридические институции. К несопоставимым достоинствам юридических институтов, даже с учетом различных изъянов их практического воплощения, также относятся их общеобязательность, определенность, наличие механизмов принуждения к исполнению обязательств, развитая система судопроизводства, возможность любого лица отстаивать свои права на законных основаниях. Между тем известно, что диктатуры способны вводить универсальные установления и добиваться их исполнения, что

не меняет сути этих политических режимов, таким образом, юридические институции не всегда согласуются с социальным порядком права, основывающимся на институциональной платформе верховенства права.

Социальный порядок права, включающий юридическую систему правил, образует институциональный порядок sui generis, есть *общественное благо*, возникающее на базе общественного договора, которым в качестве институциональной основы общества учреждаются права и свободы человека и отвергается государственный произвол в отношении граждан. В писаных конституционных актах правовая институциональная база современного общества раскрывается в развернутом виде.

Исследовательская проблема, рассмотренная в статье, позволяет сделать итоговые обобщения. Права и свободы человека и гражданина в современном обществе являются фундаментальными социальными институциональными образованиями. Невозможно, не разрушая правовой порядок, заместить юридико-правовые институции другими социальными институтами, сами по себе неюридические социальные институты не могут обеспечить институциональное устройство социума на правовых началах. Институты права — это не надстройка в структуре современного общества, они встроены в его институциональную первооснову, экономику, государство, политику, юридическую систему, полноценно раскрывают присущие ему ценности.

---

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016.

2. *Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.

3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 14.

4. *Глазырин В. А.* Недостающее звено // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 5–17.

5. *Глазырин В. А.* Социологическое воображение и изучение права в юридической социологии // Дискуссия. 2015. № 11. С. 83–87.

6. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2016.

7. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002.

8. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М. ; Челябинск, 2014.

9. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 1997. № 3. С. 6.

10. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

11. *Оболонский А. В.* Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М., 2016.

12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона; Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев, 2005.

13. *Фергюсон Н.* Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М., 2016.

14. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. ; Владимир, 2010.

Рукопись поступила в редакцию 2 марта 2017 г.